

РУЛЬ

**15 Milliard.
Mark**

7. 11. 1923

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНЪ
Wochentag-Ausgabe Nr. 850

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Gegründet von I. Hessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff †

Подписная цѣна. Въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкою собствен. издатель. ежедневно на домъ 50 миллиард. м. въ недѣлю. Цѣна перес. по почтѣ и подъ бандер. въ Герм. мож. бытъ измѣн. въ теч. подписки
Внѣ Геомакія: въ Европ. страны. Австрію 30.000 австр. кронъ, Англию 4 шил., Бельгію 10 бельг. фр., Болгарію 60 лев., Венгрію 10.000 венг. кронъ, Голландію 2 голл. гульд., Грецію 30 драхмъ, Дانیю 4 дат. кроны, Динбургскую обл. 3 гульд., Испанію 4 пезеты, Италію 12 ит. лиръ, Латвію 15 лат. руб., Литву 6 лит. Люксембургъ 10 фр., Мемельскую обл. 6 лит., Норвегію 4 норв. кроны, Польшу 100.000 польск. м. за 1 мѣс. Португалию 12 эскудо, Румынію 130 лей, Финляндію 20 фин. мар., Францію 10 фр. ф., Чехословакію 20 чеш. кронъ, Швейцарію 4 швейц. фр., Швецію 3 швед. кроны, Сербію 180 серб. мар. Югославію 4 динаръ. Во вѣев. колонійскія страны: Азію вост. 2 іены, Азію зап. 4 шил., Нидерл. Инд. 1 голл. гульд., Америку вообще 1 долл., Аргент. респ. 2 бум. пезо, Бразилію 6 милляр., Чиле 5 бум. пезо; Африку: Англ. вл. 4 шил., Итал. вл. 12 ит. лиръ, Франц. влад. 10 фр. ф. Къ заказу просимъ прилагать д. н. м. и въ избѣжаніе замедленія высылки

Объявленія: цѣна въ герм. маркахъ — **конфигурація** помноженному на **основную цѣну**:
Сегодня: 60 000 000 000 X 0.20 за миллим. (ширина строк.)
въ отдѣлѣ объявленій,
X 1.35 за миллиметръ въ текстѣ,
X 0.15 за миллиметръ за объявленія о розыскахъ и смерти,
X 0.12 за миллиметръ для врачей и при-
суженныхъ повѣренныхъ,
X 0.16 за миллим. для ищущихъ мѣстъ.
При крупныхъ заказахъ скидка по тарифу. Загранич. ные объявленія по особому тарифу. Приемъ объявленій и подписки въ „Ullsteinhaus“, Berlin SW 68, Kochstrasse 22-26, и во всѣхъ городскихъ отдѣленіяхъ Ullstein'a. Редакція (танъ же) открыта ежедневно отъ 11 час. утра до 2 час. дня. Редакторы принимаютъ еже-дневно отъ 1/2 до 1/3 часа дня. Телефонъ редакціи: Debbhoff 47-61

Основанъ I. В. Гессеномъ, проф. А. И. Каминка и В. Д. Набоковымъ †

Художественный Театр

(1898 1923)

(Окончание).

Марія Петровна, вашъ лучезарный выходъ въ Художественномъ театрѣ, ваша необыкновенная побѣда того времени — Соля въ «Дядѣ Ванѣ». Вспомните, что писалъ объ этомъ П. Д. Боборыкинъ, не въ статьѣ о театрѣ, но въ своемъ романѣ. Вѣдь, это ваши лучистые, полные слезъ глаза — какъ осенній дождь сквозь солнце — смотрѣли прямо въ душу завороченныхъ москвичей; вѣдь это вашъ изъумительный, милый голосъ звучалъ въ душахъ у васъ: «мы услышимъ ангеловъ въ пещѣ... мы увидимъ небо въ алмазахъ... мы отдохнемъ...»

Эти звуки, какъ ослезенные росой ландыши, растутъ въ нашихъ сердцахъ. С. В. Рахманиновъ заставилъ звучать ихъ вторично: музыку слова углубилъ музыкой музыки. И я искренно не знаю: кто больше создалъ эти слова: Чеховъ или вы? Намеки ли бы мы ихъ безъ васъ?...

Этотъ вопросъ не приходилъ бы въ голову, если бы вдругъ послѣ Соли не явилась къ тремъ сестрамъ Наташа, О, птичья головка! О, куриное сердце! О, злобность маленькаго «вятого» въ подолѣ звѣрка! О, царница загнанныхъ будней, плѣсень, съѣдающая чистую жизнь! Восторгомъ не меньшимъ, чѣмъ Соля, вошла въ нашу душу эта мѣшанка, потому что совершенное изображеніе гнусности въ царствѣ искусства такъ свято длѣнительно, какъ изображеніе

красоты. Около четверти вѣка прошло, и каждый разъ, глядя, какъ ничтожныя Наташи коверкаютъ и разрушаютъ слабыхъ Андрея — я вижу глаза, лицо, манеры, слышу тонъ вашей Наташи, — и хочется проклинать великимъ проклятіемъ ничтожность и благославлять въ восторгъ явившую ее прекрасную артистку.

Я бы сказалъ, что нѣтъ образа художественнаго, если бы вы сами не заслонили его другимъ лицомъ, совѣтъ другого рисунка, но того же порядка: Лиза Беншъ въ «Михаилѣ Крамерѣ». Мы русскіе боимся слова: гений, какъ иудеи боялись произносить имя Господне. Я назвала тогда въ печати вашу игру гениальной. Огромный талантъ заключенный въ горбатомъ тѣлѣ Арнольдъ Крамеръ гораздо больше Андрея Прохорова, и отвратительнѣе поэтому Лиза Беншъ чеховской Наташи. Трагическая ужасность была вашъ образъ: красивая, самодовольная, липоплая вслкой души женщина. Сѣверная душа — плохо, но совершенное отсутствіе души — ужасъ. Сѣверная душа может пруснуться, но какъ проснуться тому, чего нѣтъ? Художникъ, творецъ, человекъ — и, какъ сифилитическій ядъ въ организмъ, уничтожающая его ничтожная женщина.

Много вы создали, Марія Петровна, прекрасныхъ образовъ, но мнѣ достаточно этихъ нашихъ вершинъ, чтобы отъ лица всѣхъ русскихъ поклониться вамъ.

Москвичъ, вы и Качаловъ; Качаловъ и вы. Кто изъ васъ огромнѣе, самобытнѣе, значительнѣе, законченнѣе, изумительнѣе? Я сижу сейчасъ за письменнымъ

столомъ и чувствую полное безсиліе своего блѣднаго, блѣднаго слова, чтобы если не дать почувствовать вашу несуразную силу (гдѣ ужъ!) — то хотя опредѣлить то впечатлѣніе, которое она производитъ.

Тамъ, въ Россіи, высшее званіе сейчасъ: народный артистъ. И если взять настоящій смыслъ этого слова, то почетнѣе званіи и впрямь быть не можетъ. Такъ, вотъ вы, Ив. Мих. Москвичъ, воинственную и сугубо народный артистъ. Не кричите васъ, бумажекъ, вашихъ не видѣлъ, но увѣренъ, что выслала васъ въ искусство народная толпа. Вы — весь изъ нея. Этотъ народъ миллионами одиночійныхъ, не выявленныхъ единиць подготавливаетъ почву для одного, но уже громаднѣйшаго; вотъ такого, какъ вы. Вы — мужичекъ, мужиченко. Но мужиченко-колдунъ. Особая это порода — карповыхъ, дремучихъ, деревенскихъ колдуновъ. Изъ какихъ пѣдръ ихъ знаніе, мудрость, простота и лукавство?

Мужиченко вы и парь вашъ мужичій парь, и Лука вашъ — развѣ это сцена? Это тайга, гдѣ прячутся бѣлые, свѣты гдѣ ищутъ правды възлѣзавшіе духомъ, дерзопы, гдѣ живутъ эти черноземные Сокрыты, пока не почувютъ тяги бродяжить по сѣламъ и городамъ, по постояннымъ дворамъ и ночлежкамъ, по всей широчайшей и темной Руси.

Чеховъ опрометъ, а вашъ дьячекъ въ «Хирургіи» и Злоумышленникъ — они выше чеховскихъ. И вообще для васъ авторъ. Это только чтобы было отъ чего оттолкнуться; точка отправленія. А при посете вы съ собою на сцену не автора, а то, что автору и не мерещалось: драма-

соте такъ круто замѣшанного русскаго человека, что пѣлыя научныя, и художественныя, и всякія инныя изслѣдованія липли.

И такъ, какъ редакторъ давно въ ужасѣ отъ разбѣровъ этого «спича», то лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Крупны вы, интересные, значительны, но все такъ, можетъ быть, не имѣлъ бы я возможности, какъ и о цѣломъ рядѣ вашихъ собратьевъ, говорить особенно, если бы не двѣ вершины ваши. Одна — Митя Карамазова. Въ тотъ вечеръ, когда спена въ Мокромъ (теперь она потеряла что то въ общей архитектоникѣ, выльзла на первый планъ детали, этнография), — потрясла и наполнила весь театральный міръ, Россіи своимъ вулканическимъ взрывомъ мы поняли, что имѣемъ въ васъ не только прекраснаго актера, а что то гораздо больше. Вашъ Митя и Качаловскій Позаръ и Москвичскій Лука — это брилліанты короны. Было много и много и другихъ вашихъ прекрасныхъ ролей, но вотъ сейчасъ уже недавно слѣдали вы еще одинъ взлетъ. Я только слышалъ уже о немъ; но слышалъ отъ самыхъ строгихъ цѣнителей: отъ актеровъ и слышалъ ваши необычайныя. Вашъ «Кантъ» — говорили мнѣ, это было сильно какъ у Сальвини. Ваше недоумоганіе не дало вамъ использовать къ полнуй мѣру побѣды вашей, но знаю и вѣрю я, что въ будущемъ ждутъ васъ достиженія, а за прошлое кланяюсь вамъ.

Василій Васильевичъ Лукский. Это не любовникъ — ему же все поклоніе; это не компъ — ему же весь смѣхъ; это — актеръ на характерныя роли, — это невыгодно, это больше данъ уваженія, чѣмъ

засторага. И долгие годы очень уважал я Лужского. Многие находили прекрасным, за многое ставили в рецензии «отличную отыбку», но Давидомъ, радующимъ людей, не считалъ его. И больше того: сторонникъ индивидуальности въ игрѣ, я нѣсколько холодно отънесся къ вкуну сдѣланному, отточенному, объективному театру Лужского. Былъ онъ для меня интереснѣе даже другихъ своихъ товарищей по сценѣ, потому что былъ гораздо разнообразнѣе ихъ. Когда начиналъ перебирать въ памяти валикое множество его ролей и въ иностранныхъ и въ русскихъ пьесахъ видишь какъ непотопишь онъ на внѣшней формѣ. Возникъ Геншель, отецъ въ Одинокихъ, Иванъ Мироновичъ, Мамашъ, Прхоровъ, Шуйскій, Федоръ Карамазовъ, Фирсъ, профессоръ въ «Дядѣ Ванѣ» и т. д., и т. д. все различные люди; но я не доверялъ этому разнообразію: слишкомъ много чужого — не значить ли это недостаточно много своего?

Но, вотъ чужое срасталось со своимъ, и срослось до такой степени, что уже не чувство уваженія не удивленіе, передъ техникой, а радость, счастливая радость отъ художественнаго претворенія испытываю я глядя Лужского. Не сдѣлалъ Фирсъ а родился, а родился, выросъ и состарился у господъ; не Лужскій имитируетъ старика, а его Фирсовы старческія подражательскія позы движутъ всю его лакейски-барствѣнную фигуру и весь онъ здѣсь со все своей подоплекой. Прохоровъ его былъ поверхностнѣе. Шуйскій былъ обобщеннѣе, Федоръ Карамазовъ театральнѣе, а теперь они живы настоящей жизнью. Рождены, не сотворены.

Большой талантъ соединился съ поклочительной даже для этого театра работой. А гдѣ эти начала соединяются —

«Тамъ začínаютъ они и отъ двухъ отъ нихъ все происходить.»

И если даже забыть ту огромную и замѣчательную работу его, какъ режиссера, сподвижника двухъ величайшихъ, то есть за что и среди огромныхъ выдвинуть его и сказать ему спасибо.

Вотъ обидѣвъ незаслуженно многихъ, сказалъ немного о немногихъ.

Теперь — всему театру: Вы событіе изъ событій въ русскомъ и мировомъ театрѣ.

Вы — бывшее откровеніе; вы сегодняшнее достиженіе; вы завтрашнее... что? О, съ такими какъ вы, можно быть прямымъ и въ день юбилея.

Да, теперь уже вы не завтра. Теперь вы даже не вполнѣ сегодня; теперь вы въ навѣстной доли вчера. Правда, за вами студию не въ этомъ смыслъ вашъ...

Вы — искатели нашедшіе. Вы — революціонеры, сознавшіе. Слышны уже зовы будущего; давно уже замазывается на васъ рвущаяся впередъ юность. И вы буйные когда то сектанты; вы ниспровергатели когда то авторитетовъ, вы, я васъ знаю, съ великою радостью передадите ей вашу массу, но есть стремленія, нѣтъ достижений, а вы — если вы не творите за послѣдніе годы съ прежней интенсивностью — опустину не отъ васъ это.

Необыкновенно ваше вчера: прекрасно ваше сегодня; не можетъ не быть почетнымъ ваше завтра.

Сергій Яблоновскій.

Парижъ.